

УДК 94(47):37-055.2"18"+057.4-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.3.020–033

К вопросу об образовании первых российских женщин-учёных в 1850–1860-х гг.: семейный аспект

О.А. Валькова

ФГБУН «Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова» РАН, г. Москва, Россия

В статье анализируется характер образования, которое в 1850-е гг. получали женщины – представительницы первого признанного научным сообществом поколения российских женщин-ученых. В этот период поднимался вопрос о допуске женщин к обучению в российских университетах, однако в начале 1860-х гг. он был решен отрицательно. В итоге никто из россиянок, избранных в конце XIX – начале XX в. почётными членами или членами-корреспондентами Императорской академии наук, в том числе С.В. Ковалевская, княгиня П.С. Уварова, О.И. Срезневская, О.А. Федченко, не имел официального высшего образования и научной степени, кроме С.В. Ковалевской. При отсутствии доступа к общественному образованию решающее значение в получении необходимых знаний молодыми женщинами и привлечении их к научной деятельности сыграли их семьи.

Ключевые слова: история женского образования, женщина-ученый, семья, С.В. Ковалевская, П.С. Уварова, О.И. Срезневская, О.А. Федченко.

В 2025 г. научное сообщество отмечает 175 лет со дня рождения Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891), не только первой россиянки, получившей международное признание её современников-математиков, но и одной из первых женщин Европы, удостоенных в XIX в. университетского диплома доктора философии, и первой европейки, ставшей профессором университета в Новейшей истории. К поколению С.В. Ковалевской принадлежит ещё несколько выдающихся отечественных женщин-учёных, заслуживших признание и отечественного, и международного научных сообществ, каждая в своей области, и, как и С.В. Ковалевская, удостоившихся ещё в XIX – начале XX вв. избрания в состав Императорской академии наук даже если и не в качестве действительных членов, а в качестве почётных или членов-корреспондентов. Однако ни у кого из них, кроме С.В. Ковалевской, не было диплома о высшем образовании и, насколько известно в настоящее время, никто из них даже и не пытался его получить. Стремление к получению официального, университетского высшего образования, распространившееся среди российских барышень из так называемых образованных сословий в 1860-е – 1870-е гг., не затронуло никого из них, хотя пришлось на время их юности.

В 1859 г. Петербургский, Киевский и Харьковский университеты впервые в российской истории распахнули свои двери перед женщинами, желавшими получить высшее образование¹. В 1861 г. некоторые из этих смелых дам обратились к университетскому начальству с просьбой разрешить им держать экзамены на право получения дипломов². Правительство, однако, отнеслось неодобрительно к подобным инициативам и поспешило свести их на нет³. В последовавшие затем 60-е – 70-е гг. XIX в. современники могли наблюдать упорную и в основном безрезультатную борьбу части русских женщин за право получать высшее образование, ставшую в конце концов борьбой за политическое и экономическое равноправие женщин.

История этого процесса – иногда драматического, иногда трагического – изучена достаточно подробно⁴. В двух словах можно сказать, что количество женщин, желавших получить высшее образование, год от года увеличивалось; правительство смотрело на это неодобрительно, а общество спорило и ломало копыя, пытаясь решить, насколько новое явление для него хорошо или, наоборот, плохо, и к чему может это привести впоследствии.

Мы упоминаем об этом явлении в настоящей статье, поскольку в отечественной историографии научно-исследовательская работа женщин во второй половине XIX – начале XX вв. неразрывно связана с развитием в стране высшего женского образования. Между возможностью получить высшее образование и желанием профессионально заниматься наукой в историко-научной литературе ставится знак равенства. Приведём здесь только один, но зато типичный пример подхода к данной проблеме: «В 1859 г. для женщин, стремящихся к систематическим занятиям наукой, открыл двери Петербургский университет»⁵ или: «Против доступа женщин к высшему образованию и занятиям наукой выступали не только политические деятели, но также и мужчины-учёные...»⁶.

Нам кажется, что такое объединение двух различных тем (хоть, несомненно, и связанных между собой) не оправдано, особенно для России 1860-х – 1880-х гг. XIX в. Возможно, для поколения, родившегося в 1880-е гг. XIX в., получившего образование на Высших женских курсах в 1900-е гг., для поколения, расцвет деятельности которого пришёлся уже на 1920-е – 1930-

¹ Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: межвузовский сборник. Л., 1983. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 165.

⁴ См., например: Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–200: Материалы к библиографии. М., 2002; Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

⁵ Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 142.

⁶ Там же. С. 143.

е гг., получение систематического высшего образования и последующее занятие научной деятельностью действительно являлись двумя неразрывными частями единого процесса. Но это было совсем не так для женщин, родившихся в 1840-е гг. и завоевавших право называться учёными (в современном понимании этого слова) в 1880-е гг.

Попытаемся обосновать нашу точку зрения.

Если обратиться к толкованию самого выражения «учёная женщина» (именно так употреблялось данное словосочетание в указанный период времени), то не трудно будет обнаружить, что под ним подразумевалась женщина, получившая некоторое образование, помимо навыков рукоделия, «танцевания», знания французского языка и правил этикета, а совсем не женщина, зарабатывающая на жизнь научной работой или хотя бы посвящающая этому виду деятельности большую часть своего времени.

Весьма характерна также аргументация в публицистических статьях, официальных обращениях, речах и пр., написанных самими женщинами, ратовавшими в 60-е – 70-е гг. XIX в. за допуск «женского пола» к высшему образованию. Великолепный пример подобной риторики представляет собой обращение группы женщин к I Съезду русских естествоиспытателей 2 января 1868 г.: «Где нам учиться, чтобы быть в состоянии воспитывать наших детей?... Состоя под покровительством г. Министра Народного Просвещения, съезд имеет... возможность ходатайствовать перед Правительством о проведении в жизнь той или другой меры, которую он сочтет наилучшею для того, чтобы сделать русских матерей не номинальными, но действительными руководителями первоначального образования их детей...»⁷.

Мотивировка необходимости допуска женщин к высшему образованию, поскольку без него они не могут выполнить своё основное предназначение и воспитать из своего ребенка достойного члена общества, доминирует в литературной полемике того времени. Она прекрасно согласуется с официально одобренной точкой зрения на роль женщины, сформулированной принцем П. Ольденбургским в «Наставлении для образования воспитанниц женских учебных заведений»: «Главное назначение женщины есть семейство; женщина, как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных, она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оно»⁸. Таким образом, девица получает образование, дабы «впоследствии, могла быть наставницею детей своих или тех, которых она призвана будет обучать»⁹, а вовсе не для того, чтобы заниматься исследованием мироздания. «Наставление» подписано Николаем I 24 февраля 1852 г. «Прекрасно; и душевно благодарю за полезный

⁷ Протокол второго общего заседания. 2 января 1868 года // Труды первого съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге, происходившего с 28 декабря по 4 января 1868 г. СПб., 1868. С. 30.

⁸ Ольденбургский П. Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб., 1852. С. 9.

⁹ Ольденбургский П. Указ. соч. С. 7.

труд», – написал император¹⁰.

Однако в воспоминаниях, созданных в более поздний период, на склоне лет, многие участницы событий 60–70-х гг. XIX в. приводили совсем другие мотивы своего стремления к высшему образованию. Вот что пишет, например, Н.В. Стасова, бывшая в своё время одним из лидеров женского движения: «Общественный строй переменялся. После освобождения крестьян дворянские семьи обеднели, надо было искать труда, родители не были в состоянии ни воспитывать дома детей, ни выписывать из-за границы гувернанток, платя им тысячи. Надо было поневоле отдавать девочек в общественные гимназии. Но дети чувствовали, по выходе оттуда, свое малое знание, а вместе росло сильное желание самостоятельности и желание зарабатывать, да к тому толкала тоже и сама необходимость»¹¹. Никаких намёков на то, что девушки стремились получить образование, дабы потом заниматься воспитанием детей, впрочем, как и наукой, здесь нет.

Действительно, женщины, родившиеся в 40-е гг. XIX в., первыми из россиянок добились получения официальных дипломов (и сопутствовавших им научных званий), но это были преимущественно дипломы врачей и юристов. Так, в декабре 1867 г. совет Цюрихского университета присвоил степень доктора медицины, хирургии и акушерства Н.П. Суловой (1843–1918)¹²; в 1876 г. этой степени удостоилась В.А. Кашеварова-Руднева (ок. 1842–1899); в 1877 – Е.Д. Гончарова, Ю.И. Заволожская; в 1880 – М.П. Мордвинова и др. Диплом доктора прав Лейпцигского университета в 1875 г. получила А.М. Евреинова (1844–1919)¹³. Как видно, все это очень практичные специальности, дающие возможность их обладательницам (по крайней мере теоретическую) зарабатывать на вполне обеспеченную и независимую жизнь.

Но среди женщин этого поколения мы не найдём дипломированных естествоиспытателей, историков или филологов. Исключение составляют две женщины-математика: С.В. Ковалевская (1850–1891), доктор философии Геттингенского университета 1874 г., и Е.Ф. Литвинова (1845–1919), доктор философии Бернского университета 1878 г.

Тем не менее вторая половина XIX в. подарила России нескольких выдающихся женщин-ученых, некоторые из которых достигли наивысшего научного признания, возможного в нашей стране: будучи избраны членами-корреспондентами или почётными членами Петербургской Академии наук. Среди них:

¹⁰ Ольденбургский П. Указ. соч. С. 1.

¹¹ Цит. по: Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 158.

¹² Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 167.

¹³ Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889; Полномарева С.И. Наши писательницы. СПб., 1891.

– избранные иностранными членами-корреспондентами: Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891), математик, член-корреспондент по разряду математических наук (математика) Физико-математического отделения с 2 декабря 1889 г.; Мария Склодовская-Кюри (1867–1934), физик, химик, член-корреспондент по разряду физическому Физико-математического отделения с 1 декабря 1907 г. (почётный член с 4 декабря 1926 г.); – избранные почётными членами: графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924), археолог, почётный член с 3 декабря 1894 г.; принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская (1845–1925), минералог, почётный член с 2 декабря 1895 г. по 1918 г.; – и, наконец, избранные членами-корреспондентами: Ольга Измаиловна Срезневская (1845–1930), филолог, член-корреспондент по Отделению русского языка и словесности с 2 декабря 1895 г.; Ольга Александровна Федченко (1845–1921), ботаник, член-корреспондент по разряду биологическому Физико-математического отделения с 2 декабря 1906 г.

Как упоминалось выше, никто из них, кроме С.В. Ковалевской (мы не ведем здесь речь о М. Склодовской-Кюри, поскольку она не была гражданкой России, кроме того, она значительно моложе всех остальных наших героинь и фактически принадлежит уже к другому поколению), не имел не только учёной степени, но и диплома о высшем образовании. Никто из них не состоял на государственной службе, не занимал официальных должностей в научных учреждениях. Тем не менее жизнь каждой из упомянутых женщин (исключая разве что принцессу Е.М. Ольденбургскую) целиком и полностью посвящена науке; каждая внесла весомый вклад в развитие научного знания, каждую с полным основанием можно назвать выдающимся ученым.

Посмотрим далее, стечение каких обстоятельств привело их к выбору данного жизненного пути, что повлияло на их решение и каким образом они получили необходимое образование.

Старшая из перечисленных выше дам – графиня П.С. Уварова, урождённая княжна Щербатова. Д.Н. Анучин писал: «Жизнь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой естественно делится на две половины. Первая – с 1840-го по 1885-й год – это период роста, обучения, выхода в свет, выхода замуж, сотрудничества мужу, приготовления к дальнейшей деятельности, и вторая – следующие тридцать и – надеемся – ещё длинный ряд других лет – служения Московскому Археологическому Обществу в звании его председателя, трудов по собиранию, сохранению, изучению, изданию древних памятников, и вообще неустанной работы для познания старины и успехов русской археологической науки»¹⁴.

Графиня родилась (28-го марта 1840 г.) и прожила первые двенадцать лет своей жизни в Лебедянском уезде Харьковской губернии, в селе Бобрики, родовом имении князей Щербатовых. Её отец – отставной военный,

¹⁴ Анучин Д.Н. Графиня П.С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского Археологического Общества // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. М., 1916. С. IX.

князь Сергей Алексеевич Щербатов. У П.С. Уваровой было две сестры и шестеро братьев. Семья переехала в Москву, когда мальчикам пришло время поступать в гимназию. Сама Прасковья Сергеевна получила классическое (для девушки) домашнее образование. Хотя надо отметить, что после переезда в Москву с ней частным образом занимались такие преподаватели, как профессор Ф.И. Буслаев (русской литературой и искусством), Н.Г. Рубинштейн (музыкой), А.К. Саврасов (рисованием и живописью)¹⁵. Однако в 16 лет (1856 г.) образование будущей графини завершилось, и её вывели в свет. Никаких сведений о том, что юная княжна проявляла в этот период интерес к науке, не сохранилось, зато все биографы единодушно пишут о том, как она блистала на балах, покоряя восхищённых поклонников, одним из которых был, например, Л.Н. Толстой.

Вспоминая об этом времени, Н.В. Стасова с возмущением, близким к отчаянию, писала: «Все было закрыто. Возьмешь газету – ты синий чулок, хочешь учиться не по “дамским” учебникам – куда тебе! Ничего не сообщалось, ничего нельзя было достичь. Все стремление состояло в том, чтоб найти жениха, и ступай опять в кабалу с закрытыми глазами»¹⁶. Подобные вопросы, судя по всему, не волновали Прасковью Сергеевну. Во всяком случае, она очень скоро (1859 г.) вышла замуж за графа А.С. Уварова, сопровождала его в заграничных поездках, постепенно увлеклась его идеями. Графиня никогда не скрывала, что её научные интересы были сформированы или даже, точнее, вызваны её мужем. В своей предназначавшейся для публикации автобиографии П.С. Уварова писала: «Граф не любил и не находил желательным работать в одиночестве; он привлекал и призывал всех к общей дружной работе и потому, призывая всех, возбуждая дремлющие силы по уезду и губернии, он не мог не найти нужной помощи у себя дома и не привлечь к своей постоянной напряженной работе как ученой, так и гражданской, свою жену, которая таким образом и стала рука об руку заниматься и древностями, и искусством, и земством, и школами, а впоследствии и интересами основанного графом Московского Археологического Общества и Всероссийскими Археологическими Съездами»¹⁷.

Однако несмотря на деятельную помощь графу в его организационной, да, по-видимому, и в научной работе, несмотря на то что в последние годы совместной жизни Прасковья Сергеевна проводила уже самостоятельные исследования¹⁸, при жизни мужа графиня П.С. Уварова не опубликовала ни одной научной работы. Её активная научная деятельность началась только после смерти её супруга в 1884 г.

Ольга Александровна Федченко родилась 18 ноября 1845 г. в Москве, в здании Московского университета. Её девичья фамилия Армфельд, а её

¹⁵ Анучин Д.Н. Указ. соч. С. XI.

¹⁶ Цит. по: Стасов В. Указ. соч. С. 174.

¹⁷ Уварова, графиня Прасковья Сергеевна // Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II / Под ред. П.С. Уваровой, И.Н. Бороздина. М., 1915. С. 372.

¹⁸ Анучин Д.Н. Указ. соч. С. XV–XVI.

отец – профессор Московского университета А.О. Армфельд. В семье Ольги Армфельд, как и в семье Прасковьи Щербатовой, было девять детей. До 11 лет Ольга Александровна, как и Прасковья Сергеевна, получала домашнее образование. Однако в возрасте 11 лет (1857 г.) Ольга Александровна поступила в московский Николаевский сиротский институт, инспектором которого состоял её отец.

В это время Николаевский институт выпускал «по степени педагогического образования», получаемого воспитанницами и «соразмерно развитию природных их способностей» наставниц трех степеней: «1) Собственно домашние Наставницы или так называемые Кандидатки, получающие дипломы на свое звание из Университета». На «отделении, приготавлиющем кандидаток, преподается высший педагогический курс наук, языков и искусств», – отмечалось в отчёте Института за 1856 г.¹⁹ О.А. Федченко окончила курс Николаевского института в 1864 г., пройдя весь курс и получив диплом кандидатки. Но, кроме этого, дома она продолжала заниматься рисованием, музыкой и английским языком.

По окончании института, вместо того чтобы окунуться в светские развлечения и заняться поисками мужа, О.А. Федченко, «не нуждаясь в материальных средствах, но желая трудиться по убеждению, в течение трех лет (с 1864 по 1867 г.) занималась переводами и уроками. Учила истории и языкам французскому и немецкому, рисованию и музыке. Переводила с французского, немецкого и английского разные статьи для журнала Садоводства... Делала некоторые рисунки на заказ, но больше рисовала для собственного усовершенствования, масляными красками, цветы и плоды с натуры и училась рисовать карандашом виды с натуры», – писал А.П. Богданов в посвящённом ей биографическом очерке, со слов самой Ольги Александровны²⁰.

Помимо этого, О.А. Федченко писала в своей автобиографии, что «уже в институтские годы заинтересовалась... естествознанием и, живя летом в родовом имении... занималась собиранием естественноисторических коллекций, из которых ботаническая представила серьезный научный интерес...»²¹. Собранный Ольгой Александровной гербарий Можайской флоры оказался настолько интересным, что профессор Н.Н. Кауфман использовал его при

¹⁹ Отчет императорского московского воспитательного дома. М., 1856 // ЦГА Москвы. Ф. 108. Оп. 3. Д. 28. Л. 6, 6 об.

²⁰ Богданов А.П. Ольга Александровна Федченко // Богданов А.П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцати пятилетие (1850–1887 г.). М., 1888. Т. 1. Л. 26–1 об.

²¹ Липский В.И. Федченко Ольга Александровна // Императорский С.-Петербургский Ботанический Сад за 200 лет его существования (1713–1813). Ч. IV: Липский В.И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 92.

написании своей знаменитой «Московской флоры»²², причём «для Можайского уезда, данные О.А. являются единственными», – вспоминал сын О.А. Федченко, Б.А. Федченко, также ставший известным ботаником²³.

Итак, ещё в институтские годы Ольга Александровна собирает свои первые коллекции, регулярно посещает Зоологический музей Московского университета и пользуется его собраниями для своей работы, наконец, входит в небольшой кружок студентов и молодых преподавателей университета, задумавших организацию нового естественно-научного общества. В 1864 г. её избирают членом-основателем Общества любителей естествознания при Московском университете (впоследствии – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии). Таким образом, её научные интересы уже полностью сформированы. Тем не менее вместо того, чтобы присоединиться к движению за право доступа женщин в университеты или продолжить своё образование за границей (именно это немного позднее сделала её младшая сестра, Наталья Александровна Армфельд, увлекшаяся впоследствии народническим движением), О.А. Армфельд в 1867 г. выходит замуж за А.П. Федченко, с которым она познакомилась во время своих научных занятий, и вскоре уезжает вместе с ним в экспедицию в только что присоединённый к России Туркестан (1868 г.), где полностью отвечает за сбор ботанических коллекций, выполняет работу художника экспедиции, ведёт всю иностранную деловую переписку с коллегами-учёными и помогает мужу в сборе его зоологических, преимущественно энтомологических, коллекций (Подробно научную биографию О.А. Федченко см.: *Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко (1845–1921)*. М.: Наука, 2006). Правда, подробный разбор истории организации Туркестанской экспедиции показал, что, возможно, именно О.А. Федченко являлась ключевой фигурой этого предприятия и без её участия экспедиция не смогла бы состояться или, по крайней мере, не смогла бы достичь некоторых из наиболее важных поставленных перед ней целей (см.: *Валькова О.А. «Научная семья» в России в середине XIX века // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / отв. редакторы: З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канныкин. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 54–64*). В последующие годы Ольга Александровна повсюду сопровождает своего супруга, является его первой и самой активной помощницей, а после его трагической гибели (1873 г.) берёт на себя работу по подготовке к печати многотомных трудов Туркестанской экспедиции, которые и выпускает в свет под именем (и от имени) А.П. Федченко. Правда, в 1875 г. Парижский Международный географический конгресс присуждает ей медаль за «Путешествие в Туркестан», – первую международную награду за научную деятельность, полученную российской женщиной, но она проходит совершенно незамеченной, и даже сама медаль пылится забытая в конторе Русского географического общества несколько лет,

²² *Кауфман Н.Н.* Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М., 1866.

²³ *Федченко Б.А.* К биографии О.А. Федченко // *Известия Главного ботанического сада РСФСР. Т. XXIII. Вып. 2. Л., 1924. С. 85.*

пока ее случайно не находят во время разборки старых бумаг и не просят владелицу забрать (см.: *Валькова О.А.* Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М. 2006. С. 120–121). И только в 1880-е гг. она возвращается к своим ботаническим исследованиям, принесшим ей славу выдающегося ботаника и звание члена-корреспондента Императорской академии наук.

Ольга Измайловна Срезневская, практически ровесница О.А. Федченко, родилась 27 сентября 1845 г. в семье И.И. Срезневского, вскоре после рождения Ольги избранного академиком Петербургской академии и переехавшего с семьей на жительство в Петербург. Ольга Измайловна, как и П.С. Уварова, была старшим ребенком, после неё в семье родились ещё три дочери и четыре сына. Она получила домашнее воспитание: «Под руководством отца О.И. Срезневская получила весьма разностороннее филологическое образование, совсем необычное в те годы, когда было принято считать, что женское обучение не должно превышать пределов программы институтов “благородных девиц”», – писал Н.А. Мещерский²⁴. Заметим, что это образование включало свободное владение примерно десятком иностранных языков, в том числе достаточно редких, знание которых могло быть полезным для исследований её отца. В пятнадцать лет (1860 г.) она сдала экзамен в Петербургском университете, получив диплом домашней наставницы, после чего в течение многих лет оставалась секретарем и первым помощником отца. Её собственные научные работы в этот период немногочисленны и большей частью либо не опубликованы, либо опубликованы анонимно, а иногда под именем И.И. Срезневского. После смерти отца (1880 г.) она взялась завершить задуманную им работу по составлению «Материалов для словаря древнерусского языка», для которого сам И.И. Срезневский успел подготовить материалы только на буквы А и Б, да и те были значительно дополнены Ольгой Измайловной. В этом ей помогали её братья и сестра. Знаменитый и ничем не заменимый до настоящего времени словарь дети опубликовали под именем отца. Имя его истинного автора – О.А. Срезневской, как и имена помогавших ей братьев и сестры, нигде не упоминалось. Тем не менее, как отмечал Н.Н. Никольский, «самый крупный её вклад в науку – издание материалов для словаря древнерусского языка, собирание которых было начато её отцом, получил известность как его труд»²⁵, и именно за эту работу её избрали членом-корреспондентом Императорской академии наук: научное сообщество того времени, по-видимому, прекрасно понимало, кто именно является автором (авторами) этого фундаментального труда, однако в последующих поколениях память об этом как-то стёрлась. Завершив издание словаря, Ольга Измайловна продолжала заниматься языкознанием, однако подписанные её именем публикации крайне немногочисленны.

Самая младшая из перечисленных нами женщин, Софья Васильевна Ковалевская, родилась 15 января 1850 г. Она первой из них была избрана

²⁴ Мещерский Н.А. Продолжатели дела отца // Русская речь. 1987. № 3. С. 93.

²⁵ Никольский Н.Н. О.И. Срезневская. Некролог // Известия АН СССР. Серия VII. Отделения общественных наук. 1931. № 7. С. 777.

членом-корреспондентом Петербургской академии (правда, иностранным), и единственная имела официальный диплом и степень доктора философии. Отец С.В. Ковалевской – отставной генерал-лейтенант артиллерии В.В. Корвин-Круковский жил с семьёй в своём имении Палибино Невельского уезда Витебской губернии. В детстве С.В. Ковалевская, как и упоминавшиеся выше дамы, получала домашнее образование. К сожалению, ей повезло меньше, чем им: блестящее гуманитарное образование С.П. Уваровой не противоречило общим требованиям, предъявлявшимся к образованию юной девушки, а её муж сам вовлекал её в научную работу; О.А. Федченко удачно увлеклась именно ботаникой, «из всех естественных наук» считавшейся «наиболее свойственной для девиц», поскольку «они естественно должны любить и лелеять то, что необходимо для жизни и в особенности при суровости нашего климата в зимнее время, доставляет столь невинное утешение»²⁶, кроме того, её отец, профессор судебной медицины, не видел вреда в научных занятиях дочери, публично выступал за разрешение допуска женщин в университеты (см.: *Валькова О.А. Дискуссия о высшем женском образовании в Московском университете (1861 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. Т. 27. №. 4. С. 82–96*), а муж воспринимал как должное; отец же О.И. Срезневской сам занимался её образованием, стремясь воспитать толкового помощника.

Сферой интересов С.В. Ковалевской оказалась математика. В уже цитировавшемся выше «Наставлении» принца Ольденбургского по поводу обучения девиц этой дисциплине (точнее, арифметике) замечалось следующее: «сначала воспитанницы упражняются в умственном исчислении, и в изучении таблицы умножения; потом, узнав четыре правила с дробями, переходят к именованным числам и к решению задач с применением тройного правила, и, наконец упражняются в ведении приходно-расходных книг, столь необходимых для правильного и бережливого хозяйства, и знакомятся с определением и измерением главных плоскостей тел»²⁷. Большее существовавшими традициями не предусматривалось. Неудивительно, что, заметив повышенный интерес дочери к математике, В.В. Корвин-Круковский, по воспоминаниям С.В. Ковалевской, «имевший вообще сильное предубеждение против ученых женщин», решил, что надо прекратить уроки математики²⁸. Позднее Софья Васильевна писала: «Так как целый день я была под строгим надзором гувернантки, то мне приходилось пускать в дело хитрость. Идя спать, я, при тусклом свете лампы или ночника, зачитывалась по целым ночам. При таком положении вещей я, разумеется, не смела и мечтать о продолжении правильных занятий моим любимым предметом...»²⁹. И только вмешательство соседа, профессора Тыртова, убедило отца позволить дочери брать уроки математики.

²⁶ *Ольденбургский П.* Указ. соч. С. 25.

²⁷ Там же. С. 27.

²⁸ *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства и автобиографические очерки. М.; Л., 1945. С. 125.

²⁹ *Ковалевская С.В.* Указ. соч. С. 126.

С.В. Ковалевская была твёрдо намерена продолжать образование и для этого вступила в фиктивный брак с В. Ковалевским (впоследствии известным палеонтологом), позволивший ей выехать за границу (1868 г.). Преодолев множество трудностей, завоевав научную известность и получив степень доктора философии, Софья Васильевна вернулась в Россию (1874 г.), где, однако, её знания и её звание оказались одинаково невостребованными. Она писала об этом так: «Здесь я занималась далеко не так ревностно, да и условия жизни гораздо менее способствовали моим научным занятиям, чем в Германии. Я работала с большими и частными перерывами, так что едва успевала даже следить за наукой. Вообще за время пребывания в России я не сделала ни одной самостоятельной работы... В России от серьезных научных занятий меня отвлекали различные обстоятельства: и само общество, и те условия, в которых приходилось жить...»³⁰. И только уехав вновь за границу (1882 г.), С.В. Ковалевская вернулась к научной работе, постепенно завоевав полное признание научного сообщества, получив несколько престижных премий и, наконец, удостоившись избрания иностранным членом-корреспондентом Императорской академии наук.

Итак, бросив краткий взгляд на жизнь четырёх русских женщин, добившихся научного признания во второй половине XIX в., можно отметить несколько закономерностей в их судьбах.

Все они происходили из весьма обеспеченных семей. Поэтому выбор жизненного пути обуславливался не необходимостью содержать себя или свою семью и даже не стремлением к независимости, а природными склонностями, влиянием среды и особенностями воспитания. Именно членам своих семей эти женщины были обязаны образованием, достаточным для начала научной деятельности. Так или иначе семья каждой из женщин (в лице отца или мужа) поддержала её стремление к научным исследованиям или даже подтолкнула к ним: каждая из них начинала свою научную работу в качестве помощницы отца или мужа (иногда в ущерб собственным научным интересам, как О.И. Срезневская и О.А. Федченко) и оставалась в этой роли вплоть до смерти близкого человека; каждая из них считала своим долгом продолжить (или завершить) дело отца или мужа, часто публикуя результаты собственного труда под их именами и отказываясь, следовательно, от заслуженного признания. Несмотря на основополагающую роль, сыгранную их семьями на начальном этапе – этапе получения образования – наиболее плодотворный период научного творчества у всех упоминавшихся в нашей статье дам приходится на то время, когда они оказались свободными от обязательств перед семьей, по странному совпадению – это 1880-е – 1900-е гг. Никто из них не зарабатывал себе на жизнь (во всяком случае в России) научной деятельностью. Наоборот, после гибели в 1873 г. А.П. Федченко его вдова осталась без средств к существованию и была вынуждена оставить науку и содержать себя и сына, занимаясь переводами и математическими

³⁰ Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 127.

подсчётами в Земском комитете вплоть до 1877 г., когда ей в виде исключения назначили пенсию за умершего супруга. Никто из этих дам никогда не занимал никаких официальных должностей в российских научных учреждениях и организациях (имеются в виду государственные учреждения).

Таким образом, из всех наиболее знаменитых российских женщин-ученых второй половины XIX в. только С.В. Ковалевская была озабочена получением формального высшего образования, диплома и научной степени. Возможно, именно потому, что хотела доказать своим близким – её увлечение математикой не случайная прихоть, не каприз. Как писал её учитель, известный немецкий математик Карл Вейерштрасс, объясняя своему другому ученику и коллеге, профессору Геттингенского университета Иммануэлю Фуксу (1833–1902) её желание получить докторскую степень, «Стремление изучать математику, столь необычное у молодой женщины, живущей в блестящих условиях, и с полным сознанием того, чего будет ей стоить это решение, естественно, сначала вызвало противодействие со стороны ее родных... Поэтому именно теперь, когда после 5-летней студенческой... жизни, в которой для неё стал слишком чувствителен недостаток обычного домашнего комфорта, она намерена возвратиться на родину и к семейной жизни, для нее очень важно получить осязательный для всякого документ, доказывающий, что не ради каприза, а из-за действительного стремления к науке она, отказываясь от всего, что привлекает молодую женщину (ей теперь 23 года), осуществила свое решение с силой воли, находящейся в едва объяснимом противоречии с чрезвычайной женственностью ее натуры»³¹.

Из всех перечисленных нами учёных-женщин только С.В. Ковалевская в конце концов зарабатывала себе на жизнь благодаря полученным знаниям и официальным дипломам. Только она не провела первую половину своей жизни в роли сотрудницы и помощницы отца или мужа и с самого начала подписывала свои работы своим именем, заявив о себе как о самостоятельном исследователе. И именно её биография – одна из немногих биографий женщин-учёных XIX в. – хорошо известна сегодня.

Однако следует признать, что в своём поколении она являлась исключением, которое, как известно, только подтверждает правило. Научная же работа большинства её ровесниц обуславливалась любовью к науке, влиянием родственников, а вовсе не стремлением к независимости. И потому им были не нужны официальные дипломы о высшем образовании, да и случись они у этих женщин, их (то есть дипломы) было бы некуда употребить (Подробнее об истории интеграции женщин в профессиональную научную деятельность см.: *Валькова О.А. Штурм цитадели науки: женщины-учёные Российской империи*. М., 2019). Таким образом, возвращаясь к тезису, высказанному нами в начале настоящей статьи, можно с уверенностью утверждать, что научно-исследовательская деятельность женщин во второй половине XIX в. зависела далеко не только от возможности или невозможности

³¹ Письма Вейерштрасса Фуксу о Софье Ковалевской // *Ковалевская С.В. Научные работы*. М., 1948. С. 347.

получения ими высшего образования, а стремление поступить в университет не обязательно означало намерение стать профессиональным учёным.

Список литературы:

1. Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты (к 150-летию со дня рождения С.В. Ковалевской) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.
2. Мецкерский Н.А. Продолжатели дела отца // Русская речь. 1987. № 3. С. 92–95.
3. Тишкин Г.А. Женский вопрос и правительственная политика 60 – 70-х годов XIX в. // Вопросы истории России XIX – начала XX века: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 160–181.
4. Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб., 2003.

Об авторе:

ВАЛЬКОВА Ольга Александровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел истории физико-математических наук, ФГБУН «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова» Российской академии наук (Россия, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, 14), e-mail: o-val2@yandex.ru

On the Issue of the Education of the First Russian Women Scientists in the 1850s-1860s: the Family Aspect

O.A. Valkova

S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Sciences and Technology,
Moscow, Russia

The article analyzes the nature of the education that women representatives of the first generation of Russian women scientists recognized by the scientific community received in the 1850s. During this period, the issue of women's admission to Russian universities was raised, but in the early 1860s it was resolved negatively. As a result, none of the Russian female scientists elected honorary members or corresponding members of the Imperial Academy of Sciences in the late 19th and early 20th centuries, including S.V. Kovalevskaya, Princess P.S. Uvarova, O.I. Sreznevskaya, O.A. Fedchenko did not have an official higher education or a scientific degree, except for S.V. Kovalevskaya. In the absence of access to public education, their families played a crucial role in gaining the necessary knowledge for young women and involving them in scientific activities.

Keywords: *history of women's education, female scientist, family, S.V. Kovalevskaya, P.S. Uvarova, O.I. Sreznevskaya, O.A. Fedchenko.*

About the author:

VALKOVA Olga – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Department of the History of Physical and Mathematical Sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences (Russia, 125315, Moscow, Baltiyskaya str., 14), e-mail: o-val2@yandex.ru

References:

- Agamova N.S., Allahverdyan A.G., *Rossijskie zhenshchiny v nauke i vysshej shkole: istoriko-nauchnye i naukovedcheskie aspekty (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya S.V. Kovalevskoj)*, Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki, 2000. № 1, S. 141–153.
- Meshcherskij N.A., *Prodolzhately dela otca*, Russkaya rech', 1987, № 3, S. 92–95.
- Ponomareva S.I. *Nashi pisatel'nicy*. SPb., 1891.
- Tishkin G.A., *Zhenskij vopros i pravitel'stvennaya politika 60 – 70-h godov XIX v.*, Voprosy istorii Rossii XIX – nachala XX veka: Mezhvuzovskij sbornik. L., 1983. S. 160–181.
- Yukina I.I., *Istoriya zhenshchin Rossii: Zhenskoe dvizhenie i feminizm v 1850–1920-e gody. Materialy k bibliografii*, SPb., 2003

Статья поступила в редакцию 17.05.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.